

Пролог

Проснулся я от болезненного удара в бок, от остренького локтя соседки. Открыв глаза, я поморщился от головной боли, в глаза как будто песка насыпали, ещё бы, трое суток не спал перед вылетом, дела были, а билет куплен, тем более бесплатный, как участнику конкурса выживания на дикой природе, что проходил на севере США, в штате Аляска.

Позже о моей жизни. Я удивлённо изучал салон авиалайнера, который превратился в филиал ада. Висели маски, я, кстати, свою сразу надел, метались люди, мигая, работали плафоны, а через меня от окна пыталась выбраться соседка, судя по глазам и судорожным движениям, та была в панике, по сути, в диком ужасе, где мозг уже не работает, остаются одни инстинкты. Двумя ударами указательного пальца по точкам на шее я её усыпил и вернул в кресло, кстати, моё, у окна, которое эта наглая дамочка выманила у меня. Так что я на её месте сидел, по билету. А летели мы с Аляски на Тайвань. В основном тут американцы, из русских, по-моему, я один. А что, на Тайване мне оплачен отдых, три недели в шикарном отеле, как победителю соревнований. Ну, второе место — не первое, но помимо ста тысяч долларов из призового фонда, ещё самому можно выбрать

место отдыха. Я и выбрал. Это не от организаторов, а от спонсоров соревнований. Понравилось им то, как я шёл. Можно сказать, личный подарок. Так что летим отдыхать, а то после сорокаградусного мороза, где я в одиночку, встречаясь с медведями и стаями волков, за две недели преодолел по горам, лесам и рекам почти семьсот километров. Можно сказать, реал-шоу. Камеры, лобовая и нагрудная, ещё у лагеря втыкал палки с камерами, что снимали его, а вечерами по спутниковому оборудованию отправлял организаторам соревнований, там работали спецы, поэтому обрабатывали то, что я снял, и выкладывали на канале. Больше пятидесяти миллионов просмотров, три десятка участников по пути собирали маяки, там подсказки и карты, куда дальше идти. Ярко я выступил, но по баллам всё же второе место занял. Тут я глянул в окно, пока пристёгивал соседку, милovidную блондинку лет тридцати, кстати, та меня узнала ещё на вокзале, смотрела соревнования, и сам застыл, расширенными глазами изучая ночь снаружи. Темнота и свет звёзд не так удивили, даже скорее шокировали, как два спутника. Один чуть больше и близко, коричневого цвета, со следами падения метеоритов, второй меньше, почти прятался за первым спутником. Светлый бок виден.

— Какого чёрта? — хотел гаркнуть я, но спазм горла, это от шока, позволил только прохрипеть.

У меня такое бывает. Если волнуюсь, спазмы горла идут, говорить не могу, шепчу. Отец мой знал об этой проблеме и обучил медитациям, методике Шаолиня, спокойствию. Мы в Китае раза три были, задерживаясь у монахов по полгода, так что быстро вернул себе спокойствие, и мельком осмотрев землю внизу, сел, как полагается. Кстати, из-за этого меня считали бесчувственным чурбаном. Деревенские

девушки так называли, с которыми я на сеновалах зажигал. Нет, с сексом порядок, все довольны остались, но когда тебя имеют с каменным лицом, это как-то беспокоит. Да если бы не эта методика, я и не смог с ними так зажигать, от волнения ничего бы не получилось, а тут вон, проблем нет. Кроме как с коммуникацией. Впрочем, от следующих встреч девчата не отказывались. Вот так я сел, наблюдая, как члены экипажа успокаивают пассажиров, к стюардессам вышли из кабины двое пилотов, кроме командира, помогали. Так что прикрыл глаза, медитацией и дыхательной гимнастикой вернув себе спокойствие, стал дремать. А чего беспокоиться, на ситуацию-то я всё равно повлиять не смогу. Остаётся надеяться на профессионализм пилотов. Что происходит, я понял сразу, как и другие пассажиры, — что и подняло панику, мы в другом мире. Не знаю, как, и не знаю, где мы, но осталось принять этот факт, и я принял. Так что стал проваливаться в сон, а чего время зря терять, и вот уснул. Эх, не успел рассказать, кто я и как жил. Ладно, выживем — опишу. Кстати, а куда делся сосед справа? Пузатый мужичок с отдышкой. Видимо, бегаёт где-то в панике.

В этот раз проснулся от тряски, меня будил сосед справа, видимо, вернулся в кресло, пока я спал, и тот прокричал под рёв движков, стоны и молитвы соседей вокруг:

— Садимся, велели наклониться и закрыть голову.

Я осмотрелся. Соседка слева, рыдая, закрывала голову, наклонившись вперёд. Значит, очнулась уже. Остальные, кто, наклонившись вперёд, положил руки на спинки передних сидений, кто, как мы, наклонившись, зажали голову руками. Маски у нас всё также на лицах были. А снаружи явно уже давно

рассвело. Ну то, что я долго спал, это видно, выпался. Так что последовал примеру всех вокруг и спросил у соседа:

— Что происходит?

— Мы в другом мире, — прохрипел тот, пузану пузико явно в таком положении на внутренние органы давило, и говорить ему было тяжело.

— Ну, это я уже понял. На посадку идём?

— Да, мы уже одиннадцать часов летаем, топливо на исходе. Вокруг местный океан. Пилоты нашли какой-то большой остров с ровным берегом, песок. Надеюсь, сможем сесть.

— Это что, по прямой летели, пока под нами океан не появился? А чего от суши улетали? Там же явно аборигены есть.

— Есть? Ты уверен?

— Сам огни видел, похожие на ровные фонари уличного освещения какого-то города. Только неяркие, как бы не масляные. Тут не уверен, всё же высота у нас приличная была.

— Ясно, про это никто не говорил. У нас тут в бизнес-классе сенатор летит с супругой, от штата Аляска, он командование принял. В общем, садимся.

— Угу.

Говорил я на английском чисто, отец настоял, язык нужный, международный, так что проблем с общением не было. Ещё испанский на отлично знал, было два года погружения в языковую среду, плюс основной диалект китайского, но он с сильным акцентом. Это все языки, коими владел. Ну и пока всё это длилось, шли на посадку, кстати, три захода сделали, пока пилот на четвёртый раз не рискнул, и мы не сели.

Так вот, зовут меня Геннадий Иванов. Отец с Казани, сирота из детдома, матушка тунгуска, с Ени-

сея, потому я имел чуть раскосые глаза и широкие скулы, но в целом очень симпатичный, только эмоциональный, с этим мне помог отец, как я уже говорил. Мне семнадцать лет. Теперь о моей жизни. Родился в селе, что раскинулось на берегу северного Енисея, в две тысячи восьмом году. Сейчас, к слову, зима двадцать пятого, до Нового года считанные дни. А через месяц мне восемнадцать будет. Мой отец был геологом, ещё советской закалки. На момент моего рождения, а я последний ребёнок в семье, у меня ещё трое братьев и две сестры, они сейчас не с матушкой живут, ему было сорок семь лет. Отец очень любил свою работу, но ещё больше он любил жить, выживать на природе с минимумом вещей. Это было его хобби и его страсть. Из всех детей только у меня пробудилось такое желание — с ним ходить. Остальные тоже ходили, опыта набирались, но желанием не горели, испорчены цивилизацией. А я с малых лет жил в диких местах, в тундре и тайге. Спутниковый интернет, удалённая учёба, решили проблемы со школой. Кстати, тут же, в двадцать пятом, окончил школу, одиннадцать классов. Мне семнадцать лет, вся жизнь впереди. Отец умер в прошлом году, рак. Врачи давали ему три года, а он тринадцать лет протянул. На женьшеневых настойках. Это была большая утрата для меня, но я продолжил жить, как привык и желал. Учился, выживал. Весь север России от Сахалина до Мурманска прошли мы не по разу. В джунглях бывали, мы же не дикари, загранпаспорт имели, там своя специфика была, два года познавали тропики с местными умельцами из Колумбии. Нашли учителя, заодно язык на отлично освоили. Мне тогда тринадцать лет было.

Работа геолога у отца закончилась с падением Союза, там он перешёл на вольные хлеба, мы много

искали, бывало, разрабатывали золотую жилу, нашли выход изумрудов, так что жили хорошо, что-что, а с финансами был порядок. Братья и сейчас одно месторождение моют. Тысяч сто долларов за лето намывают спокойно на каждого. Наше с отцом хобби те спокойно воспринимали, тем более отец научил меня всем ухваткам геологов, и знания по ним у меня теперь немалые. Сам как практик очень неплох, по одной местности скажу, что под землёй может быть. Правда, по северным территориям, не по южным. Везде своя специфика. А в джунглях мы просто перенимали опыт у индейцев, жили и выживали. Я там и с анакондами не раз встречался, и с пираньями. Жуткое дело. Если кратко, то вот такой мой рассказ. Матушка спокойно живёт в нашем селе, ей уже шестьдесят лет, братья и сестры в столице квартиры накупили, если два брата, имея несколько штук, сдают их, а сами живут в Красноярске, то один брат и обе сестры в Москве. А я с матушкой, когда бываю дома. Это бывает редко, суммарно если взять, пару месяцев в году. Да привык к кочевой жизни, мне дома скучно, а интернет и ноут со мной всегда, в любое время сам могу там повисеть, но в основном для учёбы всё тратил, пока вот не закончил школу. Причём экзамены в реале проходил, не дистанционно, в нашей сельской школе. Я там значился. Вот такая у меня жизнь. Скажете, необычная? Ну, что есть, то есть, однако не скажу, что редкая и эксклюзивная. Были тут и другие выживальщики и любители жить на природе, многие с детьми тоже ходили, мы контакты поддерживали, общались, делились опытом, что и как у нас бывало. Однако моя интересная, полная приключений жизнь резко изменилась, и чего теперь ждать, я не знаю. Это слегка и волновало. Я педант и любитель порядка. Я вообще полон фобий,

отцу немало пришлось поработать, чтобы я вырос цельной личностью. Потому не сильно волновался, медитации помогали.

На удивление, мы благополучно сели, да, потрясло, не сказать, что сильно, но самолёт не разрушился, а остановился своим ходом, стоя на шасси. Турбины выли недолго и стали глохнуть одна за другой. Моторы стихли, хотя я слышал, после полёта их сразу отключать нельзя. Что-то там с прогоном связано. Тут же, когда наступила тишина, народ начал поднимать головы, раздались первые хлопки и крики благодарности. Да табло загорелось: «Отстегните ремни». Я тоже аплодировал, крича пилотам слова благодарности. Что есть, то есть, я понимал, какое дело те сделали, и главное, все живы. Да им при жизни памятник нужно поставить, это мы всё и изливали. Стюардессы уже бегали, проверяли пассажиров. У одного мужчины две из четырёх суетились, у того, похоже, сердечный приступ. Пока же отстёгивались, с двух сторон открыли двери, запустили разворачивание надувных трапов и начали приглашать к выходу. Так как наше место было ближе к кабине, нас направили туда. Я прихватил небольшую сумку с личными вещами и документами, в отсеке над головами хранилась, так многие делали, и на выход. Проходя у рубки, там стояли два пилота и мужчина, видимо, сенатор, общались, я схватил за обе руки командира борта и сжал их слегка, говоря от души:

— Спасибо вам большое, мистер Симменс, вы бог пилотов.

Больше сказать не успел, толпа давила сзади, но главное, хоть так успел сообщить, что на душе было. Дальше, придерживая сумку, прыгнул на синий трап и скатился вниз, сразу же вскочив и отбежав, давая дорогу следующему. Тут стюардесса командовала.

Отбежав, я осмотрелся. Снаружи уже с сотню человек. Хотя наш борт был полным. А это триста пятьдесят человек. И народ покидал самолёт. Осмотревшись с места, я поднялся чуть выше, тут в двухстах метрах высокий песчаный нанос, позволил определить, что сели мы на крупном острове, если сосед не наврал, тропический. Видел пальмы, даже вроде с кокосами. Но и заросли сельвы имелись. Голубые воды океана у берега отдавали зелёным цветом. Если бы не два спутника, я бы решил, что мы на Земле, даже местное светило выдавало тот же спектр излучения и цвет. Размер тоже как у Солнца. А вообще жара, ближе к плюсу тридцати пяти в тени. На берегу видны колеи от самолета, и чем ближе, тем они глубже. У самого самолёта, у передней стойки, даже небольшой холм песка. Видимо, тормозили. Как только шасси не сложилось? Народ так и покидал салон самолёта, я же пока закончил осмотр — ни дыма, ни следа аборигенов, интересно, какой тут уровень цивилизации? Судя по освещениям улиц, совсем даже не век каменного топора, так что, скатившись с песчаного склона, направился к хвосту самолёта. А что, там багажный отсек, где мой ранец, и большая сумка с вещами. Ладно, зимняя одежда, первоклассная, для севера, я в ней и проходил соревнование, но главное — содержимое ранца. Зря, что ли, бегал и скупал нужное трое суток, глаз не сомкнув. Это туристическое снаряжение, но самое ценное — разборный генератор, с лопастями.

В основном покупки для родных, они ценители таких вещей, но генератор мой. Великая вещь, я всегда заряжал электронику или батареи спутникового оборудования тремя складными туристическими солнечными батареями. Одной не хватало. А тут опустил лопасти в реку, и течение начинает их кру-

тить, понятно, оно должно быть быстрым. Там привод к генератору, и тот даёт стабильные двенадцать вольт. И всё бесшумно. Десять приборов можно подключить. И всё это весит два килограмма. В чёрном пластиковом кофре. Также первоклассный ноут для племянницы Аиши, её заказ, планшет для племянника Толика, пара солнечных батарей уже мне, не везде нужный ручей найдёшь с быстрым течением, также тренога для брата Сергея, утварь и посуда для брата Виктора, очень качественное исполнение, ножи, тепловизор и прибор ночного видения для брата Алексея и разборный арбалет, плюс двадцать болтов к нему. Арбалет мой. Ну, и три ножа, пополнить мою коллекцию. В сундуке у матушки дома я храню почти полторы сотни разных ножей. Некоторые спасли мне жизнь. Один парень из Колумбии, мой отец был не силён в этом, дал основы, а потом серьёзно подучил ножевому бою. Так что вещи стоит забрать. Палатки там не было, но неплохой спальник, правда, зимний, и складной коврик имелись. Фонарь, разные хитрые девайсы тоже. Главное, это мои вещи. Ну и в плюс, пусть местность незнакомая, но как тут выживать, я в принципе знал. Первым делом нужно найти пресную воду. Сам же пока не без интереса изучал своих попутчиков, прикидывая, чего от них ожидать, сидел на песке, как многие, обняв колени, и ожидал, когда вещи будут отдавать. И анализировал. Вывод меня не порадовал, вот и пробормотал:

— Стадо.

Нет, пока видно, что стараются держаться цивилизованно, даже того мужика с больным сердцем спустили и на матерчатых носилках отнесли в сторону, в тень пальм. Его сопровождала семья, жена и трое детей. Или внуков. Хотя не факт, в Штатах детей поздно заводят. Там стюардесса суетилась,

а я уже видел, как слетает налёт цивилизации с людей, стоит им пожить на природе недели две. Особенно если заблудились, припасы подходят концу, помощи всё нет и нет, а жрать уже хочется, и тогда вылезает суть человека. Звереют. Они творили такое, что позже, сидя в камерах, сами ужасались. Вот и от этого стада, правильно я их назвал, другого можно и не ждать. Всего семерых из всех я бы не включил в общую группу. Трое явно военные, по выправке и причёскам видно, да и держались вместе, со своими семьями. Ещё четверо или фермеры, или охотники, если вначале, как и все, были растеряны, сейчас, видно, взяли себя в руки и явно обдумывали, что делать дальше. А вот все остальные спокойно ждали, когда за них решат, что делать. Без хозяина они и пальцем не пошевелият, к таким выводам я и пришёл. А так адреналин после посадки уже схлынул, у многих трясучка прошла, уже стали общаться.

Я спросил у помощника командира борта, второго пилота, когда вещи будут возвращать. Тот передал командиру, и он дал добро, открыли дверь, и начали выдавать вещи, хозяева их опознавали. Впрочем, там везде бирки были. Вот так, внимательно глядя, чтобы не пропустить, когда до моих вещей дойдут, я с прищуром глядел в сторону отдельной группы. Похоже, уже формировалась власть. Сенатор, пилоты и двое из военных там что-то обсуждали. Третий с двумя мужчинами отправился вглубь острова. За водой, к собаке не ходи. Кстати, ходили стюардессы и давали воду, полулитровые бутылки, питьевая вода. Я из своей сделал пару глотков и убрал, и подобрал пустую бутылку, что выкинул один из пассажиров. Идиот. В нашем положении это настоящая ценность, но тот ещё не осознал. А мне нужны ёмкости для воды, фляжек нет, есть ёмкость на

пять литров, но это умывальник, с краником. Плёнка жесткая, сложил, мало места занимает, а так, наполнив и повесив на сучок, можно умываться. Неплохая вещь.

Под шум разговоров, многие обсуждали, что произошло, я получил сначала сумку, а потом и ранец. Так что ранец за спину, ремень сумки на правое плечо, и двинул было на поиски подходящего места для жизни, где буду ночевать, как услышал оклик, хотя отошёл от самолёта едва метров на триста:

— Парень, стой!

Подумав, решил не нагнетать, хотя прекрасно понимал, остановили меня не просто так. Сейчас будут грабить. А пока вещи ждал, видел, как та соседка-блондинка что-то горячо говорила сенатору и тыкала пальцем в мою сторону. Я бы раньше свалил, но ранец всё мой не выдавали. Первое правило попавших в проблемы людей — считать всё вокруг общим. А я хотел часть вещей припрятать, они сейчас просто не нужны. Я сам понимаю, помощь нужна, и я окажу её, не без этого, но добровольно. Меня так отец научил: попали люди в беду, помоги. Если ты попал в беду, отомсти. А так как я один из тех, кто со всеми попал в эту историю, я считал себя таким же пострадавшим, как и другие. И мои навыки, а они важны, я это тоже понимал, тут уже не имеют значение. Я помогать буду, хотя к жителям Штатов у меня не самое лучшее отношение. Я их сильно недолюбливал. И нет, не из-за политики их правительства, что вон устроили войну с Украиной, втянув Россию. Просто были у нас встречи с этими прямоходящими, и дважды чудом удавалось уцелеть. Один раз — это командос пиндосов в Колумбии. Надо же, спокойно себе шастают, хотя как потом выяснилось, это были наёмники, но из Штатов

же. И они первыми атаковали наш с отцом мирный лагерь. Второй раз на Дальнем Востоке. Похоже, их разведка, что удивило, в нашей российской военной форме со всеми знаками различия, свидетелей решили убрать, но тайга нам тогда помогла. А допрос раненого дал понять, кто это на самом деле. Меня тогда впервые в жизни ранили, до сих пор на боку след пули. А так всю группу мы положили, за последним неделю бегали, опытный, чёрт. Властям Сахалина, дело там было, не сообщили, а тела припрятали в старых японских укреплениях. Хорошие трофеи были. Оба раза без причин, как я считал, нападали с целью убийства, поэтому с чего мне их любить? Однако и первым нарываться на конфронтацию не собирался. Припрячу нужное, прикопав, вернусь, и буду помогать в меру сил, знаний и опыта. Всё же на самом деле бросать не стоит.

А тут меня нагоняли пятеро, двоих из которых я опознал как военных, одного как охотника, по движению понятно, остальные обычные жители, городские. Для силовой поддержки. Вот один, с квадратным подбородком, спросил:

— Парень, ты куда это собрался?

— Туда, — указал я на сельву. — Хочу хижину поставить.

— Сенатор взял власть среди выживших. В общем, без его приказа никуда не уходить, в океане не купаться, ждать разведчиков. И вот что, отдай нам свою поклажу.

— С чего это?

— У нас теперь всё общее.

Я не был крысой, не подумайте. Кроме зимней одежды и обуви ничего прятать не собирался, потому как это мой задел на будущее. Покинув остров, пока не знаю как, но сделаю это, переберусь на се-

вер этой планеты, думаю, там тундра и тайга, вот там и устроюсь. Остальное для меня ценности сильной не имело, так что в принципе в общий котёл передать я был и не против, но не с такими категорическими словами, когда мне цедят зло слова в лицо. Впрочем, я пожал плечами и, скинув ранец, протянул этому военному. Не думаю, что тот офицер, повадки не те, вот сержант — очень даже может быть. А сумку придержал, говоря:

— Там только зимняя одежда, тут она точно не нужна.

Тем неожиданнее был удар в лицо, он меня дезориентировал. Бил профессионал. Почти нокаут. Челюсть сразу заболела, потому второй удар тоже пропустил, я уже не видел его. Сбили с ног и дальше меня толпой били ногами, пару ударов в голову, и наступила тьма. А вот это уже беспредел. Похоже, меня окончательно списали.

Очнулся я, видимо, вскоре, лежал полностью обнаженный, рядом топтался один из той пятёрки, что ко мне подошли. Обыватель, сильный, но не боец. Других с моими вещами не было. А ведь на мне было термобельё, тактические брюки со множеством карманов, армейская футболка. Куртка из комплекта с брюками, но её я нёс на сгибе локтя, жарко. И отличные туристические кроссовки. Всё это пропало, я был сильно избит и обнажён. Было ясно, что меня изначально списали, и в общей группе спасённых теперь не числюсь. Странно такое решение, но оно ясно дало понять, мне показали, что с остальными выжившими мне не по пути. Я не показал охраннику, а этого мужика я воспринял именно так, что очнулся, сначала мысленно пробежался по телу, не двигаясь, проверял, как сильно меня избили. Я неплохой боец,

но сейчас не в форме, справлюсь ли с этим бугаем или нет, не знаю, так что старался определить, насколько всё плохо.

Вообще, пассажиры в основном в возрасте, молодых мало, детей хватало, видимо, своих внуков или детей на отдых взяли, даже у сенатора два сына — погодки лет пятнадцати и четырнадцати, но остальные в возрасте. Две трети из всей массы. Молодым просто такой отдых не по карману, в кредитах все. Поэтому мало было вот таких энергичных, как этот бугай. А я уже всё, перешёл в боевой режим, вокруг меня все враги, нужно выживать. У нас с отцом такое уже было, грабили, а мы всегда сбегали и мстили. Три раза, но было же. Уже ясно, что среди выживших меня постараются опустить ниже по социальной лестнице, чем другие, а такому точно не бывать. Поэтому убедившись, что я пусть и побит, но ничего не поломано, резким движением подбил ноги здоровяку, чуть ноги себе не отсушил, а когда тот падал, взвившись на ноги, ударом ребра ладони по горлу вырубил того. Куда бить, я знал. Быстро осмотревшись, один глаз заплывал от гематомы, я стал сдёргивать рубаху с бугая, заодно по карманам прошёлся, кроме пачки сигарет и зажигалки, ничего. Уже поднялся крик, мои действия обнаружили, ещё бы, мы на открытом пляже были, поэтому, убрав находки в рубаху, узел по сути, я взял того за голову и, приложив силу, резким движением свернул ему шею. Да после того, что было, я из принципа всех пятерых, что на меня напали, выслежу и убью. Осталось четверо, так что, подхватив узел, я со всех ног рванул прочь. Чуть хромая бежал, колено повреждено, но уносился. Ко мне бежали не сказать что толпой, но человек тридцать было, но я уже вскоре скрылся в сельве, а там меня уже не поймаешь, как дом род-

ной. Индейцы Южной Америки учили нас с отцом от и до. Не те, что цивилизовались, а ещё из старых. Сложно договориться было, европейцев те не любили, но мы смогли это сделать. Да, общались там на креольском, но и знатоки испанского были, в основном они нас и учили.

От поисковиков я ушёл, это факт, теперь нужно поискать воду. Те две бутылки пропали, а у бугая воды не было, как и ёмкости. Вода тут есть, это точно, одного взгляда хватило бросить на сельву, чтобы это понять, слишком яркая. А так остров с вулканической горой, не такая та высокая, чтобы иметь шапку снега сверху, но думаю, высота метров восемьсот от уровня моря точно есть. Никуда от меня эти четверо не денутся с острова, поэтому пока полностью не восстановлюсь, на охоту я не выйду. Да и вещи вернуть желаю. Тут нифига не добровольная отдача, теперь из принципа верну. Меня так воспитывали, да и характер правильный поставили. То, что это может ослабить выживших? А начхать, не я это начал. Уже через полкилометра, двигаясь по сельве, внимательно всё изучая (змей тут хватало, судя по всему ядовитые), я вышел на берег озера. Осмотревшись, не выходя из сельвы, обнаружил шестерых из спасшихся на самолёте. Было четыре женщины, включая блондинку соседку-стукачку, и двое мужчин, вооружённых палками. Судя по тому, как спокойно набирали воду, о том, что случилось у самолёта, тут ещё не знали. Я же с насмешливым прищуром смотрел, как те пили воду. Из озера! Идиоты. Ну, пусть встречаются все те инфекции, что в этой воде есть. А по такой жаре там они точно имеются. Эту воду можно пить или прокипятить, или, отойдя от берега, вырыть в песке яму и ждать, пока там вода не появится. Песок — природный фильтр. И то часто злоупотреблять этим